

— Может, посмотрим это? — Цзинь Шуань указал на бегущую строку на стене в глубине зала.
— Сейчас нет ничего интересного, лучше уж старые фильмы. Хотя не знаю, смотрел ли ты их.

Хань Чжоу посмотрел в указанном направлении и увидел рекламный щит: «Классические фильмы, круглосуточный показ, пять сеансов всего за 45 юаней».

На этой неделе в программе:

«Игра в имитацию»

«Реквием по мечте»

«Заклятие»

«Идентификация»

«Путешествие во времени»

— Ого, тут даже «Заклятие» есть! — Хань Чжоу внезапно оживился и тут же потянул Цзинь Шуаня к кассе. — Не думал, что когда-нибудь увижу настоящий фильм ужасов в кинотеатре! Этот кинотеатр просто огонь!

Поскольку показ шёл круглосуточно, не было никакого смысла ждать начала сеанса. Зал был небольшой, и когда они вошли, там находились только две пары.

Хань Чжоу был человеком, который больше жил в реальности, чем в виртуальном мире. К тому же он был постоянно занят, поэтому иногда неделями не смотрел ни одного фильма. Из пяти сегодняшних картин он видел только «Заклятие», да и то в студии, когда просто убивал время с Лу Е.

Первый фильм, «Игра в имитацию», по названию Хань Чжоу принял за фэнтези, но оказалось, что это биография известного математика и криптографа Алана Тьюринга, жившего во время Второй мировой войны.

Фильм был довольно затянутым и скучным, но стоит отметить, что он подробно описывал преследования, которым подвергался Тьюринг как гомосексуалист в то время.

Раньше Хань Чжоу вообще не смотрел такие фильмы, да и вряд ли бы они его тронули. Но теперь, когда он сам полюбил мужчину, он не мог не почувствовать некую связь с главным героем. Особенно когда Тьюринга отправили в психиатрическую больницу, его сердце сжалось.

Он вспомнил Цзинь Шу, архитектора, который умер в то же время и по той же причине. В отличие от Тьюринга, Цзинь Шу так и не был реабилитирован после смерти. От него остались лишь несколько черновиков и семейная история, неизвестная широкой публике.

Он посмотрел на Цзинь Шуаня. Тусклый свет скрыл резкие черты его профиля. Он спокойно смотрел на экран, его лицо слегка дрожало в такт смене света, и он казался одиноким.

Хань Чжоу почувствовал необъяснимую боль в груди, вздохнул и снова обратил внимание на фильм.

Второй фильм, «Реквием по мечте», был ещё более мрачным. Одиночество и отчаяние пронизывали его с начала до конца, настолько, что даже «Заклятие» после него казалось светлым и милым.

К тому времени, как закончился фильм ужасов, было уже около двух часов ночи. Хань Чжоу заметил, что его спутник по-прежнему бодр, словно мрачная атмосфера фильма его никак не затронула, и он постепенно расслабился.

— Ты не хочешь спать? — Хань Чжоу зевнул и оглянулся. Две пары, что были здесь раньше, уже ушли, и огромный зал был пуст, кроме них. — Как здорово, что мы одни!

— Ты устал? — Цзинь Шуань погладил Хань Чжоу по голове, его голос был мягким. — Хочешь домой или поспать здесь?

Хань Чжоу не ответил, только зевнул снова. Он достал билет и осветил его телефоном, чтобы посмотреть, какой фильм будет следующим. Это была «Идентификация». Он слышал об этом фильме, он был довольно известным, но Хань Чжоу не знал, о чём он. Судя по названию, это, вероятно, был очередной фильм про смерть и убийства. От одной мысли об этом ему стало тошно.

Он встал, потянулся и снова сел, облокотившись на подлокотник. Закрыв глаза, он сказал:

— Разбуди меня, когда фильм закончится, я посплю.

— Хорошо, — Цзинь Шуань наклонился к нему и взял его за руку. — Прислонись ко мне.

Тёплое прикосновение руки заставило Хань Чжоу вздрогнуть, и половина его сонливости мгновенно исчезла.

Он открыл глаза и увидел, что Цзинь Шуань слегка пожал плечом, приглашая его прислониться.

Хань Чжоу замер на месте на добрых десять секунд, а затем медленно выпрямился и так же медленно прислонился к широкому плечу.

Он слегка погладил руку Цзинь Шуаня большим пальцем, а через полминуты снова закрыл глаза, отпустил руку и обнял руку, на которую опирался. Затем он протянул другую руку, чтобы взяться за его.

В кинотеатре было жарко, и Цзинь Шуань уже снял пиджак, оставаясь в тонкой шёлковой рубашке.

Хань Чжоу двигался с предельной осторожностью, почти затаив дыхание, но когда его рука прошла подмышкой Цзинь Шуаня и коснулась его тёплого тела, его грудь неудержимо сжалась. На мгновение его мозг опустел, а затем наполнился множеством неопишуемых образов.

Это был их первый настоящий контакт, спрятанный в темноте, в грохоте звуков кинотеатра. Два трепещущих, горячих духа были хорошо скрыты, и только они могли чувствовать друг друга.

Хань Чжоу плохо знал английский и практически ничего не понимал из того, что говорилось в фильме. Его лицо прижималось к плечу Цзинь Шуаня, и он время от времени слегка потирался о него, пока наконец не уснул, переполненный волнением.

Он спал очень крепко, и когда почувствовал, что его трясут, то долго не мог проснуться.

— Закончилось? — его голос был хриплым, и в ушах звучала мягкая музыка.

Он выпрямился, оторвавшись от руки, и холодный воздух мгновенно охватил половину его тела. Внутри него возникла пустота, и чувство сожаления быстро распространилось по всему телу.

Экран снова стал ярким, и он хотел потереть глаза, но неожиданно обнаружил, что его рука всё ещё сцеплена с другой. Сожаление сменилось приятным покалыванием, он слегка дрогнул рукой и отпустил её.

Последний фильм назывался «Путешествие во времени». Он рассказывал о мужчине со сверхспособностью, который, используя путешествия во времени, понял истинную любовь, осознал цикл жизни и смерти и в итоге отказался от своих способностей, чтобы наслаждаться каждым простым моментом жизни.

Подобных фильмов было много, и сюжеты были довольно схожими, но, возможно, из-за того, что предыдущие картины были слишком мрачными, Хань Чжоу почувствовал, что этот фильм был настолько прекрасен, что хотелось плакать.

Когда в финале зазвучала песня «The Luckiest», сопровождающая осознание главного героя, Хань Чжоу почувствовал, как его сердце сжалось. Он быстро моргнул, и из уголков его глаз выступили тёплые слёзы.

Экран погас. Пять часов утра — время, когда солнце касается горизонта, но в кинотеатре стало необычайно темно.

В углах мерцали зелёные огоньки, и Хань Чжоу смутно различал лицо Цзинь Шуаня, которое приближалось к нему.

Он почувствовал, как рука коснулась его, и тепло прикоснулось к уголку его глаза. Он инстинктивно отпрянул, и это ощущение было похоже на то, как горячая грудь касается льда. Хотя это было лишь мимолетное прикосновение, оно мгновенно распространилось по всему телу, вызывая дрожь.

Рука медленно двигалась, стирая его слёзы, и в темноте коснулась его бровей и щеки, пока не достигла подбородка.

Подбородок был слегка приподнят, и он почувствовал лёгкое дыхание, приближающееся к нему. Казалось, что другой человек что-то сказал, но он не услышал. Весь зал наполнился только его горячим дыханием и бешеным стуком сердца.

— Что? — он едва шевельнул губами, которые уже почти касались губ другого человека.

— Я сказал... — Цзинь Шуань сделал паузу, его голос скользнул по его губам, едва слышно:

— Открой рот.

Нежное переплетение губ и языка способно сгладить все сомнения, и поцелуй, без сомнения, является лучшим свидетельством укрепления чувств между двумя людьми.

Отношения влюблённых строятся естественно, и с момента, когда они полюбили друг друга, они становятся парой. Если один из них изменит свои чувства, отношения автоматически прекратятся. Поэтому, если оба понимают друг друга без слов, нет необходимости в особых объяснениях или официальном браке.

Свет на экране медленно загорался, и только что завершившиеся пять фильмов снова начали свой круг.

Когда Цзинь Шуань отстранился, Хань Чжоу инстинктивно потянулся вперёд, чтобы удержать его. Такая обстановка, такой человек, такие чувства — всё это было настолько прекрасно, что его сердце полностью растаяло, и он совсем не хотел останавливаться.

Цзинь Шуань взял его лицо в руки и слегка поцеловал в губы, его голос был настолько тихим, что почти терялся в звуках вступительной мелодии фильма:

— Не ходи утром на работу, поспи.

— Хорошо, — Хань Чжоу обнял его и прижал подбородок к его плечу. — Ты ведь давно хотел что-то мне сказать, да?

Раньше его отношения с Цзинь Шуанем не были такими близкими, и он замечал, что тот часто что-то недоговаривал, был неопределённым. Должно быть, было что-то, что он не мог ему сказать. Но теперь, когда они вместе, пришло время спросить.

<http://bllate.org/book/15564/1415556>